

Детские и юношеские впечатления Некрасова в их связи с его последующим творчеством. Ранние стихи («Мечты и звуки») и ранняя проза Некрасова. Сотрудничество Некрасова в журналах 40-х годов

Прежде чем перейти к последовательной характеристике творческого пути Некрасова, необходимо остановиться на тех моментах детства и юности поэта, которые не могли не оказать влияния на характер и направление его творчества.

Детство Некрасова, как известно, прошло в крепостнической усадьбе, в которой изо дня в день он видел ужасы помещичьей эксплуатации, ибо отец его принадлежал именно к типу помещиков-эксплуататоров, жестоких, грубых и невежественных (стихотворение «Родина»). На берегах протекавшей вблизи сельца Грешнево (родовая вотчина Некрасовых) Волги будущий поэт нередко наблюдал изможденных непосильной работой бурлаков. Рядом с домом, где жил Некрасов, проходил Костромской тракт, по которому «гнали» партии ссыльных, отправляемых в Сибирь. Вот впечатления, окружавшие Некрасова с первых лет его сознательной жизни, — невеселые впечатления.

К счастью, они не были единственными. Некрасов рос в общении с крестьянскими ребятами, совместное времяпрепровождение с которыми притягивало его, по выражению сестры, «как магнит». Насколько тесным было это общение, можно судить по одному из лучших его стихотворений зрелой поры «Крестьянские дети». Много доставляли радости и прогулки по окрестным лугам и лесам, а в особенности по берегам Волги. Волгу Некрасов полюбил еще в детские годы и никогда не изменял этой любви («О Волга!.. колыбель моя! Любил ли кто тебя, как я?» — стихотворение «На Волге»).

Таким образом, близость к народной среде и любовь к родной природе — основные моменты детства Некрасова. Това-

рищеские отношения с крестьянскими ребятишками, с одной стороны, картины беспощадной эксплуатации, а то и избиваний крепостных его отцом, с другой, — предрасполагали маленького Некрасова, также часто страдавшего от дурного обращения отца, к горячему сочувствию тяжелому положению народа. Тем более, что этому сочувствию он учился у своей матери, женщины гуманной и образованной, образ которой в ореоле уважения и любви поэт впоследствии увековечил в стихотворениях «Родина», «Рыцарь на час», в предсмертной поэме «Мать».

Трудно сомневаться, что детские впечатления в какой-то мере повлияли на характер и направление творчества Некрасова, привив ему тот органический демократизм, который впоследствии стал отличительной особенностью его как поэта.

Одиннадцати лет Некрасов поступил в Ярославскую гимназию (1832), но, проучившись в ней пять лет (до 1837), мало приобрел знаний, ибо учеба в гимназии была поставлена очень плохо. Однако в гимназические годы Некрасов пристратился к чтению, и это очень способствовало расширению его умственного кругозора. Увлекался он романтическими стихами и повестями, печатавшимися в журналах «Московский телеграф» и «Библиотека для чтения», а вместе с тем, что гораздо важнее, ознакомился с некоторыми классическими произведениями русской и мировой литературы — романом «Евгений Онегин» и одой «Вольность» Пушкина, «Корсаром» Байрона в драматической переработке Олина и другими.

Под влиянием усиленного чтения, в частности чтения романтической литературы, Некрасов начал и сам писать стихи, и ко времени отъезда в Петербург (1838) у него накопилась их уже целая тетрадка.

В Петербург Некрасов отправился с разрешения отца, желавшего, чтобы он поступил в одно из военно-учебных заведений того времени — Дворянский полк. Однако по приезде в Петербург юноша, вопреки воле отца, стал держать экзамены в университет. Рассерженный отец прервал всякие с ним отношения. Это обрекло Некрасова на тяжелые материальные лишения, продолжавшиеся несколько лет. Как ни ужасны были они (полуголодное существование, жизнь в «петербургских углах», в «ночлежках» и т. д. и т. п.), благодаря им Некрасов ознакомился с такими сторонами социальной жизни, которых никто из сколько-нибудь выдающихся представителей литературного круга того времени абсолютно не знал. Социальные низы тогдашнего Петербурга он изучил в совершенстве. Если в крепостнической деревне он имел воз-

возможность наблюдать жизнь деревенского бедняка, то теперь в сферу его наблюдений попал и городской бедняк.

Нищенское существование, которое вел в это время Некрасов, лишило его возможности подготовиться к экзаменам в университет, и он дважды проваливался на них.

Нужно было обладать железным характером и поистине нечеловеческой работоспособностью, чтобы выдержать подобную жизнь. Нельзя без волнения читать следующие строки его автобиографии: «Господи! сколько я работал. Уму непостижимо сколько я работал».

Провал на университетских экзаменах не был единственной неудачей Некрасова этих лет. Вскоре суровая действительность разбила и другую его мечту — мечту добиться литературного успеха. Хотя вскоре после приезда его в Петербург Полевой на страницах «Сына отечества» (в сентябрьской книжке 1838 года) напечатал его стихотворение «Мысль», хотя и другие журналы давали время от времени место его стихотворным опытам, но издание сборничка этих последних, под несколько претенциозным заглавием «Мечты и звуки» (цензорское разрешение было дано 25 июля 1839 года; вышла же книжка в свет не ранее начала 1840 года), принесло ему немало тяжелых переживаний. Наиболее авторитетная критика в лице В. Г. Белинского сурово оценила книгу Некрасова, так как составлявшие ее стихи были написаны в духе обветшавшего литературного направления (романтизма) и не отличались оригинальностью.

После этого Некрасову ничего не оставалось, как искать для себя журнальной работы, которая могла бы избавить его от горькой бедности. Он нашел эту работу у небезызвестного журналиста и водевилиста тех времен Ф. А. Кони, предложившего ему сотрудничество в своих органах — сначала в «Пантеоне русского и всех европейских театров», а затем в «Литературной газете». За два года — 1840—1841 — Некрасов напечатал в журналах Кони большое количество повестей, критических статей и рецензий. С 1841 года началась и его работа для театра. Он написал и поставил на сцене «Александринского», как тогда говорили, театра несколько водевилей, отчасти оригинальных, отчасти представляющих переделки с французского.

Почти все повести и рассказы Некрасова этих лет могут быть названы «петербургскими», ибо в них, как и в «Петербургских повестях» Гоголя, развивается петербургская тема и изображаются «маленькие люди» тогдашнего Петербурга, за-

давленные бедностью и неудачами. Конечно, в художественном отношении они неизмеримо ниже «Петербургских повестей» Гоголя, но в них чувствуется уже тяга к реалистической разработке социальных тем и сюжетов.

Рассказ «Карета» содержит в себе, например, горькие размышления одного молодого неудачника о том, почему одним людям суждено ездить в каретах и жениться на богатых, а другим — нет. Поведение героя в конце рассказа позволяет говорить об его сумасшествии. «Карета» принадлежит к числу тех ранних рассказов Некрасова, на которых особенно сказалось влияние Гоголя, в частности «Записок сумасшедшего», подчеркнутое, между прочим, тем, что рассказ имеет подзаголовок «Записки дурака».

Характерно, что в этих повестях Некрасова появляется типично петербургский пейзаж, как, например: «Ночь была самая ненастная. . . Ветер, срывая, как хромоногий бес, крыши старых домов или шапки прохожих, бегал по улицам и пел заунывную песню, сопровождаемую стуком частого, мелкого дождя в железные кровли и перерывчатый шумом воды в трубах и водостоках. Фонари горели тускло, как будто вылив половину света на тротуары, которые казались около них покрытыми густым слоем лака. Иногда дождь утихал и ветер не так сильно шумел, но это для того, чтоб, притаясь где-нибудь за углом, подстеречь запоздалого прохожего, броситься на него с большею яростью, оглушить своим воем, завертеть около него одежду, как пеленки, ошеломить его совершенно и повалить, если можно» (т. V, стр. 26).

Этот пейзаж, выдержанный в реалистических тонах, удался Некрасову и не лишен определенной художественной ценности. Однако это еще не значит, что рассказы и повести Некрасова начала 40-х годов стоят в художественном отношении сколь-нибудь высоко. Автора их уже определенным образом тянет к реализму, но он еще не в силах преодолеть романтические традиции, всецело подчинявшие его творчество в «Мечтах и звуках» и в таких повестях, как «Певица» («Пантеон», 1840, № 11) и «В Сардинии» («Литературная газета», 1842, № 10). Отсюда стилистический разнобой, снижающий художественную ценность данной группы произведений.

Несколько слов о драматургических опытах Некрасова, точнее, об его водевилях.

В русской, тем паче в петербургской жизни 30—40-х годов, театр имел исключительно важное значение как одно из немногих проявлений общественной жизни, доступное для более или менее широких кругов. Неудивительно, что правительство

Николая I, положившее в основу своей деятельности принцип строжайшей опеки, строжайшего контроля над умонастроением общества, прилагало все усилия, чтобы подчинить театр своему влиянию, т. е. заставить его быть рупором угодных ему идей. В особенности это относилось к Александринскому театру, который пользовался особым вниманием императора, может быть, потому, что посещался массовым зрителем. Руководители театра, исполняя задание высших сфер, культивировали определенные драматические жанры: историческую драму и водевиль.

Историческая драма призвана была возбуждать сугубо монархические настроения (как, например, на шумевшая драма Жуковский «Рука Всевышнего отечество спасла», за скептический отзыв о которой был запрещен «Московский телеграф» Н. А. Полевого), а водевиль — «тешить» зрителя, отвлекая вместе с тем его сознание от коренных вопросов социальной действительности.

Обращаясь к драматургии Некрасова этих лет, следует, прежде всего, подчеркнуть два обстоятельства: Некрасов не сочинил ни одной исторической драмы с монархическими тенденциями, а водевили его не только «тешили» зрителя, но и отстраняли его внимание на неприглядных сторонах русской действительности и сплошь да рядом проповедывали возвышенные взгляды на значение науки, литературы, искусства. Художественный уровень этих водевилей не высок, кроме того, среди них преобладают или переделки, или даже переводы с французского, но в творческой эволюции Некрасова они все же занимают известное место.

Некрасову-водевилисту претило стремление к лакировке действительности. Конечно, водевиль в николаевское время по самому существу своему был жанром, мало пригодным для разоблачения действительности. И, тем не менее, уже в первом водевиле Некрасова («Шила в мешке не утаишь») мы встречаем сатирические выпады против аристократического чванства. В «Актре» — такие же выпады против невежественных, грубых и алчных помещиков и помещиц крепостнического типа; в «Феоклисте Боба» критикуются чиновники-взяточники. Кстати сказать, образ Феоклиста Боба в данном водевиле перекликается с образом Феоклиста Боба, от имени которого ведется повествование в юмористическом стихотворении «Провинциальный подъячий в Петербурге». Это не только юмористическое, но и сатирическое стихотворение, направленное против чиновников — взяточников и казнокрадов.

Если принять во внимание, что сотрудничество Некрасова в журналах Кони и его усиленная работа как водевилиста от-

